

Николай Трофимович Чадович
Юрий Михайлович Брайдер
Ищейка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141889
Телепатическое ружье: Эридан; Минск; 1994
ISBN 5-85872-034-x

Юрий Брайдер, Николай Чадович Ищейка

К этому тягостному разговору сержант милиции Кульков готовился чуть ли не целую неделю, даже тезисы кое-какие обмозговал заранее, однако в понедельник утром, оказавшись, наконец, в кабинете начальника райотдела, он так растерялся, что напрочь забыл все полагающиеся для такого случая вступительные слова. На языке почему-то вертелось только «Разрешите идти!» да «Служу Советскому Союзу!» – то есть фразы в данной ситуации совершенно неподходящие. Очень смущало Кулькова еще и то обстоятельство, что начальник был не один. За приставным столиком сидел его заместитель, молодой, но чрезвычайно въедливый майор.

– Ну? – сказал начальник, не дождавшись от Кулькова даже «здрасте». – Что там у тебя?

Взгляд у начальника был усталый и мудрый, как у члена Политбюро, и под этим взглядом каждый мало-мальски совестливый посетитель ощущал себя по меньшей мере бездельником, праздным гулякой, нахально отнимающим драгоценное время у столь загруженного работой человека.

– Просьба у меня, – поражаясь собственной дерзости, вымолвил Кульков.

– Излагай.

– Не могу я больше в КПЗ работать.

Данное известие нисколько не удивило начальника. Казалось, он заранее знал, с чем именно пришел к нему этот нескладный и недотепистый сержант, похожий на растрепанную печальную птицу.

– А где можешь?

– В патруле, как раньше.

– В патруле нужны ребята молодые, хваткие. И чтоб внешний вид был соответствующий. А на тебя глянуть тошно. Не милиционер, а чучело гороховое. Таким как ты в КПЗ самое место. Хоть глаза никому не мозолишь. Да и тебе так спокойней. Как-нибудь до пенсии дотянешь. Сколько тебе осталось?

– Десять лет и семь месяцев... Только не могу я в КПЗ.

– Опять двадцать пять! – Начальник даже слегка пристукнул по столу ладонью, что случалось с ним крайне редко. – Ну почему? Толком объясни!

Мысли, к этому времени начавшие кое-как упорядочиваться в голове Кулькова, вновь рассыпались, как стекляшки в калейдоскопе. А ведь нельзя было сказать, что он боится начальника. Испытываемые Кулаковым чувства были совсем иного свойства. Начальник казался ему неким сверхъестественным существом, начисто лишенным всех человеческих слабостей. Кулькову никогда не приходилось видеть, чтобы он ел, курил, сморкался, ходил в туалет, улыбался, ухаживал за женщинами. Суждения начальника были всегда непререкаемы, а решения окончательны. Такие личности рождались, чтобы командовать армиями, а отнюдь не районными отделами внутренних дел второй категории.

Отчетливо сознавая свою собственную неполноценность, Кульков все же выдавил:

– Не могу и все... Вентиляции там никакой нет... Запахи разные... Тошнит меня. После дежурства целый день, как пьяный хожу.

– Да ты прямо как барышня кисейная. Тебе бы не в милиции работать, а в галантерейном отделе.

– В галантерейном магазине меня тоже тошнит, – печально сознался Кульков.

– Что – и там запахи?

– И там.

– Может аллергия у тебя. К врачу обращался?

– Да никакая не аллергия. Просто я все запахи очень сильно ощущаю. Бывает, что и затычки в нос приходится вставлять. Мне парашу или, скажем там, одеколон нюхать, то же самое, что вам на солнце без черных очков смотреть. Все нутро выворачивает. Мне жена даже еду отдельно готовит. Без всяких специй. Как розыскной собаке.

– Ты это серьезно? – Начальник отложил в сторону карандаш, который до этого нетерпеливо перекатывал в ладонях.

– Конечно, серьезно. Кого хотите спросите. Мамонтову из детской комнаты спросите. Я ей прошлой осенью кольцо золотое отыскал, что она в огороде потеряла.

– По запаху отыскал?

– Ага, по запаху.

– И чем же оно пахло? Золотом?

– Ну и золотом, конечно. Но в основном Мамонтовой.

– Так ты, выходит, талант! Почему же раньше скрывал?

– Да ничего я не скрывал, – замялся Кульков. – Чего тут скрывать. И так весь отдел смеется.

– Выйди на пять минут, а потом опять зайдешь.

Кульков послушно вышел в коридор, по стенным часам засек время, потоптался в дежурке, выпил стакан теплой, несвежей воды, для верности добавил еще минуту и, не забыв постучать, вернулся в кабинет.

На краю стола лежал скомканный носовой платок, розовый с синей каемкой.

– Сейчас мы твое чутье проверим, – палец начальника прицелился в платок. – А ну определи, чей он?

– Определять тут нечего. Товарища майора платочек, – сказал Кульков, мельком глянув в указанном направлении.

– Ты посерьезней, посерьезней. В угадалки не играй. Чем можешь мотивировать?

Кульков сделал несколько шагов вперед и осторожно – двумя пальцами приподнял сине-розовую тряпицу.

– Стирала его, значит, с неделю назад. Стирала лично жена товарища майора. Порошком «Лотос». Потом он им свои штилеты обмахивал. Сморкался, само собой. Руки вытирал, после того, как селедочку ел. Машинистка наша, Валька, им один раз пользовалась. Губы вытирала... Вот этим краешком...

– Все, достаточно! – остановил Кулькова начальник. – Весьма убедительно.

Затем последовала довольно долгая пауза. Начальник исподлобья глядел на заместителя. Заместитель смотрел на свои ногти, словно видел их впервые в жизни. Кульков смотрел в пространство.

– Что же с тобой, сержант, делать? – Начальник прервал, наконец, неловкое молчание. – А если тебя инспектором в уголовный розыск определить? Ведь ты любого преступника можешь по следу найти.

– По следу я не найду. Собака, когда по следу идет, у самой земли нос держит. А я на четвереньках далеко не убегу.

– А если тележку такую низенькую сделать, вроде тачки? – встрепенулся заместитель, явно довольный тем, что разговор переменял тему. – Чтобы его носом вперед везти!

– Пустое все это, – сказал уже вконец осмелевший Кульков. – Никто меня в розыск не возьмет. Образование мое вам известно.

– Да... тут ты прав, – начальник потер переносицу.

– А если в виде исключения? По личному распоряжению министра, – опять влез заместитель, которому очень хотелось реабилитироваться за казус с Валькой. – Можно сослаться на слова товарища Брежнева. Помните – в «Целине»? Дескать, руководитель обязан умело использовать в работе все, как сильные, так и слабые стороны подчиненных.

Начальник ничего на это не ответил. То ли он имел какое-то иное мнение, то ли просто не помнил такое место в «Целине», поскольку, в отличие от простых смертных, политзанятий не посещал и был избавлен от необходимости подробно конспектировать любимую книгу советского народа.

– И давно это у тебя? – спросил он Кулькова.

– Да лет пять уже. С тех пор, как в пивбаре кружкой по затылку получил.

– Вот-вот, – усмехнулся заместитель. – Не было удачи, так неудача помогла. Не надо пиво в служебное время пить.

– Не пью я пиво, – устало сказал Кульков. – Особенно в служебное время. В бар я по необходимости зашел. Позвонить оттуда хотел. Я вам это уже сто раз объяснял.

– Погоди, – начальник поскреб висок. – Так ведь получил ты по затылку, а не по носу. Причем здесь запахи?

– Врач говорил, что здесь главное как раз не нос, а мозги. Что-то там такое сдвинулось, что за нюх отвечает.

Здесь Кульков был откровенен не до конца. В действительности все обстояло несколько иначе. Он прекрасно помнил увесистый, тупой удар по голове, от которого лязгнули зубы, в глазах вспыхнул радужный фейерверк, а окружающий мир завалился набок и завертелся, все темнея, темнея и темнея, пока не превратился в глухой черный колодец, на дно которого он и провалился. Очнулся Кульков среди сероватого мутного тумана, в котором медленно перемещались какие-то искаженные, неясные тени. Он различал свет и мрак, черное и белое, но не узнавал человеческих лиц и не мог читать даже самый крупный текст. Зрение сильно сдало, утратив глубину и четкость. О случившемся несчастье он никому не рассказывал, опасаясь увольнения и наивно надеясь, что впоследствии все как-то образуется само собой. Не доверяя глазам, он стал полагаться в основном на слух и обоняние, но в ушах постоянно звенели невидимые комары, зато нос не подводил, исправно работая за все другие органы чувств. Постепенно Кульков научился различать по запаху не только медперсонал и всех навещавших его людей, но и многие предметы, даже самые мелкие и ничем особым раньше не пахнувшие. После окончания лечения зрение несколько восстановилось, хотя в норму и не вернулось. Видел он как крот, не далее чем на пять метров вокруг, а газетные заголовки разбирал только в очках. Зато чутье становилось все острее, все изощреннее. С закрытыми глазами он мог опознать любого жителя городка, любую улицу, да что там улицу – каждый квадратный метр на ней, каждый забор, каждое дерево. Более того, сильные и резкие запахи стали действовать на организм Кулькова угнетающе – ему все чаще приходилось затыкать ноздри ватой, хотя ходить с вечно приоткрытым ртом было весьма неудобно. Так он и жил, погруженный в буйную стихию запахов, которые заменяли ему теперь все краски и образы Земли.

– Бывает и хуже, – сказал заместитель, демонстрируя свою эрудицию. – С головой шутки плохи. Мне на днях судья рассказывал, как к нему одна парочка пришла разводиться. В годах уже. Колхозники. Он шофер, она доярка. Судья, конечно, причиной интересуется. Может муж пьет или гуляет? Оказывается, тут дело совсем не в этом. Супруг после автомобильной аварии приобрел необычайные сексуальные способности. Мог любовью всю ночь заниматься, от гимна до гимна. А жена чуть ноги таскает, ей на первую дойку в четыре утра вставать. Вот и не выдержала, подала в суд – зам мог, конечно, изложить эту историю совсем иначе, простым и доходчивым языком, но присутствие начальника сковывало его и он старательно подбирал совсем другие слова, в приличии которых не сомневался.

– Ладно, иди Кульков, – сказал начальник, немного подумав. – Скажи дежурному, пусть тебя в КПЗ кем-нибудь заменят. Сегодня отдыхай, а завтра с утра чтобы был здесь. Тут у нас как раз рейд запланирован по борьбе с самогоноварением. Примешь участие.

В рейд уходили группами – двое работников милиции и трое-четверо дружинников. Кулькову в напарники достался участковый инспектор по кличке Дирижабль – самый несимпатичный для него человек в отделе. Роста тот был среднего, зато отличался необычайной дородностью. Его необъятное, вечно урчащее и хлюпающее пузо начиналось сразу от плеч, к которым посредством шеи сорок девятого размера крепилась тяжелая и шишковатая, как репа-рекордистка, голова, куда более широкая в челюстях, чем во лбу. Верхние конечности Дирижабля толщиной превосходили ногу обычного человека, а нижние, скрытые широчайшими галифе с болтающейся где-то у колен шириной, мощностью и объемом могли соперничать с колоннами дорического ордера. Естественно, что обладавшая такими редкими статьями фигура не могла уложиться ни в одну типовую ростовку. В справке обмера, которую каждый работник милиции обязан был периодически представлять в вещевую службу ХОЗО, у Дирижабля значилось – «нестандартный». Благодаря этому он получал не готовое обмундирование, а отрезы, в которые умудрялся обшивать не только себя самого, но и всех остальных членов семьи.

Несмотря на пугающую толщину, Дирижабль был чрезвычайно энергичен, особенно если дело касалось его личной выгоды, виртуозно водил служебный мотоцикл, для баланса поместив в коляску пятипудовый бетонный блок, в недолгой потасовке (на долгую дыхания не хватало) мог одним ударом уложить почти любого противника. Он никогда ничего не читал, даже районной газеты, Китай и Албанию причислял к членам НАТО, на вступительных экзаменах в среднюю школу милиции не сумел найти на географической карте город Москву, зато в чисто практических вопросах разбирался не хуже, чем архиерей в священном писании. О гастрономических подвигах Дирижабля ходили легенды. На спор он съедал пятьдесят блинов, а однажды с небольшой компанией друзей усидел все блюда и напитки, предназначенные для свадебного стола, включая таз сметаны и мешок черного хлеба (отец жениха, пригласивший участкового «перекусить с дорожки», надеялся избежать этим наказания за изготовление браги, однако совершенно не учел аппетит гостей и в конечном итоге понес убытки, превышающие самый крупный штраф раз в десять). Кроме того, Дирижабль был хитер, как шакал, злопамятен, злоязычен и не лишен лицедейских способностей.

Сейчас он шагал вместе с дружинниками позади Кулькова, и глухая, тщательно скрываемая злоба распирала его, как тесто распирает квашню. Во-первых, Дирижабля глубоко возмущал сам факт рейда. Весь этот район, вместе с улицами, домами, садами, людишками, собаками и другим имуществом он считал чем-то вроде своей феодальной вотчины и со всякими нарушителями, в том числе и самогонщиками, привык поступать соответственно: кого хотел карал, кого хотел миловал, а кое-кому и покровительствовал – негласно, конечно. Посторонним тут делать было просто нечего. Во-вторых, его совершенно не устраивал напарник. Люди робкие, совестливые, да вдобавок еще и не корыстолюбцы, всегда вызывали у Дирижабля брезгливое презрение. Однако звериное, подсознательное чутье подсказывало ему, что Кульков опасен, очень опасен, опасен не только своим дурацким, много раз осмеянным талантом, но главное – той тихой и упорной безгрешностью, с которой он влачился по скользкой и ухабистой, полной соблазнов и искушений жизненной дороге. Дирижабль понимал, что в случае чего им не договориться – и это бесило его еще больше.

Рано или поздно эта злоба должна была излиться на Кулькова, и она излилась, в свойственной только Дирижаблю форме.

– Слушай, – приторно ласковым голосом начал он. – Правду говорят, что у тебя геморрой?

– Правду, – буркнул Кульков. Спорить тут было бесполезно, в маленьком городке медицинских тайн не существовало.

– Да, неприятная болезнь, – неподдельное сочувствие звучало в словах Дирижабля. – Ни себе посмотреть, ни людям показать. Сделал бы ты операцию. Мой дядька в прошлом году сделал, так теперь как молодой бугай скачет.

– Где сделал? У нас? – заглотив наживку Кульков.

– Да нет, в областной больнице. Если хочешь, я тебя устрою.

– Не знаю даже... А операция сложная?

– Да нет! Раз плюнуть! – Харя Дирижабля была ясной и невинной, как у грудного младенца, никогда не посещавшего ясли. – Ты врачам уже показывался?

– Показывался.

– Трубку металлическую тебе в задницу вставляли?

– Вставляли, – стыдливо признался Кульков.

– Значит, мерку уже сняли. После этого хирург берет деревянную чурку, дубовую, конечно, и обстригивает по размеру той самой трубы. Обжигает ее паяльной лампой...

– Паяльной? – с сомнением переспросил Кульков, никогда досель не слышавший о существовании такого хирургического инструмента.

– Ну не простой, конечно, а специальной. Которая на чистом спирте работает. И вот когда та чурка станет как головешка, ее тебе в задницу до самого упора и забьют.

– Так ведь это то же самое, что горячую кочергу засунуть... – разговор этот смущал Кулькова, но актуальность темы не позволяла его прервать.

– Ты же под наркозом в это время будешь.

– Ну, тогда другое дело. А Потом что?

– А потом чурку вытащат и весь твой геморрой будет висеть на ней, как виноградная гроздь. Ну, согласен?

– С женой надо бы посоветоваться... – взволнованный Кульков обернулся и увидел, что посиневшие от сдерживаемого хохота дружинники зажимают рты, а Дирижабль, сделав страшное лицо, грозит им толстым, как сарделька, пальцем.

И только теперь Кульков понял, что стал жертвой хамского розыгрыша.

– Дурень ты! – ласково сказал Дирижабль. – Тебе лапшу на уши вешают, а ты и слюни распустил... Шутки не понимаешь...

Дальше рейдовая бригада шла в молчании. Дирижабль, наморщив лоб, придумывал новую пакость. Дружинники – работяги с торфозавода, парни простецкие и грубые, – время от времени с восторгом похрюкивали в кулак. Кульков, чтобы не попасться больше на подначку, решил вообще не раскрывать рта.

Так они вступили в район частной застройки, где среди россыпи деревянных одноэтажных домов вразброс торчали редкие кирпичные пятиэтажки. Никто не попадался им навстречу, кроме черных облезлых котов да заспанных всклокоченных женщин, бродивших с пустыми ведрами от колонки к колонке. Холодный сырой воздух был переполнен тысячами самых разнообразных запахов. Пахло помоями, халвой, гуталином, кожей, жареной картошкой, вареной свеклой, нафталином, луком, чистым бельем, грязным бельем, дезодорантом, нашатырем, дохлятиной, плохим чаем, хорошим кофе, дустом, пеленками, олифой, полынью, канифолью, скипидаром, парным молоком, простоквашей, золой, тараканами, шипром, французскими духами, бензином, сигаретами, пропан-бутаном, губной помадой, йодом, подгорелым подсолнечным маслом, тальком, сосновыми досками, свиным окороком, блевотиной, машинным маслом, сушеным зверобоем и черт знает чем еще. Аромат и смрад плыли рядом, не перемешиваясь, волны зловония перемежались волнами благоуханий. Были запахи мягкие, ласковые, баюкающие, и были такие, что оглушали, терзали, мutilили. Обоняемый мир был так же пестр, многообразен и необъятен, как и мир зримый. Все на свете имело свой собственный неповторимый запах. Пасмурный день пах совсем не так, как солнечный.

Тень от пробегающего облака оставляла на земле едва различимый, но вполне реальный след, понятный дождевому червю и бабочке. И сгорающий в высоком небе метеорит, и разносимая ветром соль далекого моря, и бушующий над тропиками ураган неизбежно меняли что-то в сложной, но в то же время привычной, устоявшейся гамме запахов.

Кульков шагал хоть и не быстро, но уверенно, по привычке полагаясь главным образом на чутье: вот справа пахло лужей – до нее шагов пять; а там к асфальтовой вони примешивается крепкий дух сырой земли – это выбоина; впереди пахнет уже не истоптанной и заезженной дорогой, а жильем и свинарником – значит, улица делает поворот. Время от времени он ощущал сладковатый, слегка дурманивший аромат свежей браги. Несколько раз по ноздрям шибала весьма экзотическая, но от этого не менее отвратительная композиция, состоявшая из запахов сивушного масла, кипящего спирта, подгоревшего хлеба и выбродивших дрожжей. Вычислить, в каком именно доме варят самогон, не составляло труда, но Кулькова угнетала даже сама мысль, что сейчас они ввалятся в чье-то чужое, скорее всего невзрачное и скудное жилище, насмерть перепугают его обитателей, начнут шарить в шкафах, под печкой, на антресолях, вскоре найдут наспех спрятанные части аппарата: медный змеевик, склепанный из нержавейки испаритель, сорокалитровый алюминиевый бидон с дыркой в крышке, а потом Дирижабль протопает грязными сапожищами в комнаты, важно рассядется за накрытым плюшевой скатертью столом, предварительно смахнув с него школьные учебники, начнет не спеша, с грубыми прибаутками, составлять акт, и на него, как на Фантомаса, будут пялиться забившиеся в угол дети, а изможденная, задавленная жизнью хозяйка станет, причитая, совать им измятые рубли и тройки – и эта сцена, особенно тягостная и постыдная от самогонного смрада и невыветривающейся вони запущенного человеческого обиталища будет длиться бесконечно.

За двадцать лет службы Кульков повидал всякое: и висельников, и зверски изнасилованных женщин, и утопленных младенцев, и забытых, брошенных на произвол судьбы стариков, и горемычные семьи, в которых родители пропивали все, включая детскую одежду, – но так и не сумел привыкнуть ни к людскому горю, ни к своему праву вмешиваться в чужую жизнь.

– А вы слыхали, хлопцы, что в Америке собаку научили говорить? – начал очередную атаку Дирижабль.

– Не! – предчувствуя хохму, дружно ответили дружинники.

– Так это, я вам скажу, ерунда! В нашей стране, где сказка каждый день становится былью, человека можно запросто приучить к собачьей жизни. И лаять будет, и на столбики брызгать, и по следу ходить, и даже за сучками на собачьих свадьбах гоняться!

Всякому терпению бывает предел – и то, что может случиться за этим пределом, непредсказуемо. Но если лопается терпение у очень терпеливого человека, последствия всегда бывают самые ужасные. Не дожидаясь, пока Дирижабль во всех деталях изложит его историю, начиная со знаменитой потасовки в баре, Кульков решил выйти из глухой обороны и нанести ответный удар. Пусть и не нокаутирующий, но достаточно чувствительный.

Обстоятельства благоприятствовали ему – как раз в этот момент они подходили к длинной, в семь подъездов пятиэтажке, от которой явственно тянуло первачом. Не от всей пятиэтажки, конечно, а от одного-единственного окошка на третьем этаже. Кульков хоть и не любил лезть в чужие дела, однако в числе многих прекрасно знал, кто именно проживает в этой квартире, чем занимается в свободное от трудовых будней время, и почему сюда так часто наведывается участковый.

Засунув руки глубоко в карманы шинели и никому не говоря ни слова, он завернул в нужный подъезд. Дирижабль и дружинники машинально последовали за ним, и только на площадке третьего этажа за спиной Кулькова раздался... нет, не голос, а какое-то свистящее шипение:

– А ну стой! Ты чего это задумал?

Но было уже поздно – Кульков дотянулся до кнопки звонка. Дверь почти сразу распахнулась (в лицо Кулькову ударило алкогольное облако такой концентрации, что он еле удержался на ногах), и на пороге, едва не задев макушкой притолоку, появилась женщина, внешне удивительно похожая на безбородого Гришку Распутина. Высокомерно-вопросительное выражение ее лица тут же сменилось восторгом, едва только она узнала Дирижабля.

– Проходите, гости дорогие, проходите! А я как чувствовала! И выпить приготовила и закусочка найдется!

Дорогие гости, ошарашенные не менее хозяйки, ввалились в прихожую, и только Дирижабль издал при этом глухой, предостерегающий звук, чем, впрочем – тут надо отдать ему должное – и ограничился.

Квартира совсем не походила на жилище рядового самогонщика. Вешалка готова была оборваться от добротной одежды. На полированной полочке гнезился голубенький телефонный аппарат. Сквозь застекленную дверь гостиной можно было полюбоваться на арабские ковры и чешский хрусталь. Не нужда и не пристрастие к спиртному заставляли хозяев нарушать закон, а исключительно страсть к наживе.

Еще в квартире было очень много настороженных мышеловок. Они были расставлены во всех углах и даже на обеденном столе. В одной застрял маленький, полувысохший мышенок.

– Раздевайтесь, раздевайтесь! – хриплым басом пела радушная хозяйка. – Фуражечку вашу, Иосиф Адамович, сюда подайте!

– Вы это, гражданка, прекратите! – Дирижабль решительно отстранил услужливые женские руки. – Мы к вам по служебной необходимости.

Кульков, раньше всех проникший на кухню, где что-то булькало и парило, уже тащил оттуда почти полную десятилитровую бутылку, от которой исходил тошнотворный, ни с чем более не сравнимый сивушный дух.

– Вот это да! – уважительно сказал один из дружинников. – Да тут на хорошую свадьбу хватит! Хлебная или сахарная? А, мамаша?

И тут только до хозяйки дошло, что все это не шуточки, не очередная забавная проделка сердечного друга, а подлый и коварный удар злодейки-судьбы, в самом ближайшем будущем грозящий ей судом, штрафом, общественным порицанием, неприятностями на работе и гигантской тратой нервов.

– Иосиф Адамович! – белугой завывала она; – Зачем же вы так? Да разве я вам когда в чем отказывала?..

– Помолчите, гражданка! – строго сказал Дирижабль. – Вы меня с кем-то путаете. – Затем он откашлялся в кулак и повернулся к Кулькову: – Ты, это... не шуми... давай отойдем... поговорить надо...

– Сейчас, сейчас... поговорим, – пробормотал Кульков, отступая к полке с телефоном. – Сейчас...

Первый раунд закончился в его пользу, но окончательный результат боя оставался еще неясным. Для выигрыша необходим был завершающий удар.

Кульков схватил телефонную трубку и быстро набрал номер, который обязан был помнить наизусть.

«Только бы он был на месте, только бы никуда не ушел!» – лихорадочно думал он, вслушиваясь в первый долгий гудок.

Но сегодня ему, как ни странно, все время везло – после третьего гудка в трубке щелкнуло и раздался как всегда спокойный, хриловатый голос начальника:

– Слушаю! Але?

– Товарищ подполковник, это я, Кульков! Докладываю, что на улице маршала Чойболсана обнаружен очаг самогоноварения! Дом шесть, квартира десять... Да, участковый со мной... Заслуга общая... Позвать к телефону? Слушаюсь!

С ненавистью зыркнув на Кулькова, Дирижабль вырвал у него трубку и часто задышал, слушая что-то неразборчивое.

– Ясно, – выдал он наконец. – Ясно... Примерно с ведро будет... И аппарат обнаружен... Ясно... Не забуду... Будет сделано... Уже оформляю...

– Ну вы тут уже без меня как-нибудь справитесь, – сказал Кульков, направляясь мимо Дирижабля к выходу. Всего вам хорошего.

Уже спускаясь по лестнице, он услышал слова, сказанные хоть и с запозданием, но зато от всей души:

– Рано радуешься, чувырла! Попомнишь ты меня! Попомнишь!

Месть не заставила себя ждать долго.

В четверг под вечер, Кульков, как обычно, заглянул в дежурку, чтобы узнать, нет ли для него каких-нибудь неотложных дел, а заодно и послушать свежие новости, как районные, так и всесоюзные, поданные в интерпретации местных говорунов и острословов, кстати сказать, в милиции никогда не переводившихся.

Так уж повелось, что в этот час, когда отработавшие свое сотрудники уже собирались по домам, а заступившие на ночное дежурство наряды, получив после инструкции оружие и радиостанции, еще не выходили на свои маршруты, дежурка превращалась в некий импровизированный клуб, где можно было на полчасика расслабиться, вволю побалагурить, отвести душу в дружеской беседе, обменяться анекдотами и оперативной информацией, по какой-либо причине не предназначенной для ушей начальства.

Каждодневное общение с опасностями, грязью и подлостью постепенно выработало в этих людях некую защитную реакцию, выражавшуюся в пристрастии к весьма своеобразному юмору, сравнимому разве что с юмором могильщиков, патологоанатомов и каторжан.

Вот и сейчас инспектор дорнадзора Трескунов рассказывал о том, как, рассорившись однажды с тещей, он, по наущению Дирижабля, подкинул ей в сортир килограммовую пачку дрожжей, но поскольку погода стояла холодная, пасмурная, то ничего особенного не случилось, а потом он об этом позабыл, помирился с тещей, и в первый же погожий летний денек уселся с ней на пару пить чаек в саду – а тут вдруг из дощатого сортира поперло что-то серо-буро-коричневое, вонючее, пенящееся и лезло так в течение целых суток, пока не покрыло толстым слоем всю усадьбу и значительную часть прилегающей к ней территории.

От этой жуткой истории, скорее всего выдуманной от начала до конца самим Трескуновым или его приятелем Дирижаблем, впечатлительного Кулькова даже слегка передернуло. Как водится, сразу возник спор, возможно ли такое в принципе, поступили опровержения, посыпались аналогичные случаи, а также случаи, к тещам, сортирам и дрожжам никакого отношения не имеющие, и вскоре, перескакивая с одного на другое, общий разговор ушел совсем в другую сторону. Кулькову тоже хотелось иногда вставить свое слово, но всякий раз он вовремя спохватывался, потому что рассказчиком был неважным, часто попадал впросак, да и привлекать излишнее внимание к своей особе опасался.

Он уже собрался уходить, когда весьма довольный собой Трескунов уселся рядом и по-приятельски подал руку, хотя виделись они сегодня не впервые и на короткой ноге никогда не были.

– Ну как делишки? Какие трудности? – бодро осведомился он.

– Никаких, – осторожно ответил Кульков.

– Как дети?

– Здоровы.

– А супруга как? Работает? Где?

– Портнихой в ателье.

– Хорошо шьет?

– Да не жалуются пока.

– А костюм или платье сшить может?

– Костюм нет, а платье или юбку – пожалуйста.

– Надо будет когда-нибудь свою телку к ней сводить... Кстати! – Трескунов хлопнул себя ладонью по лбу и вытащил из планшета толстый, сверкающий глянцем иностранный журнал. – Случайно купил вчера. Думал, что-нибудь дельное, а тут одни фасоны да выкройки. Может супруге твоей пригодится?

Отказываться сразу было как-то неудобно и Кульков журнал взял, но некоторое время не раскрывал, обдумывая, какой здесь может крыться подвох. Трескунову он не доверял: человек тот был хоть и не вредный, но пустой, бесхарактерный, легко поддающийся постороннему влиянию. Даже в служебной аттестации у него было записано – «не всегда критичен в оценке собственных поступков».

На яркой, цветастой обложке было что-то написано не по-русски. Кульков сумел разобрать только одно слово – «Мода». Ну и дату, конечно, а также порядковый номер. Пахло от журнала солидно: типографской краской, хорошим лаком, добротной бумагой. Он успел побывать уже во многих руках, но Дирижабль к нему явно не прикасался.

Кульков начал листать журнал, переворачивая страницы с такой осторожностью, словно между ними могла скрываться мина. Однако никаких неприятных сюрпризов не обнаружилось. Холеные, хоть и непомерно тощие иностранки демонстрировали разнообразные туалеты, начиная от полупрозрачных, чисто символических трусиков, кончая шубами, просторными и основательными, как постовой тулуп, нежились в ваннах, полных белоснежной пены (одна бесстыдница даже не постеснялась грудь наружу высунуть), примеряли драгоценности, рекламировали непонятного назначения кухонные механизмы, мазали губы, подводили глаза, ласкали собак, кормили детей, скакали на лошадях, загорали под тентами на пляжах, занимались гимнастикой, а также изображали всякие другие сцены легкой, нетрудовой жизни.

«Крестьянка», которую выписывала жена, в этом смысле была куда как серьезней, там и про передовой опыт можно было почитать, и про международное положение, и про технику безопасности на ферме, и про всякие юридические казусы. Зато выкроек здесь на самом деле было немало. Жене они, конечно,годились бы. Обычно она доставала новые фасоны у знакомых или перерисовывала из той же «Крестьянки», но это, по ее словам, было явно не то. Жена у Кулькова, в отличие от него самого, была человеком современным, деловым, знала, что почем. За собой следила, хотя из сострадания к мужу старалась не употреблять духов и косметики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.